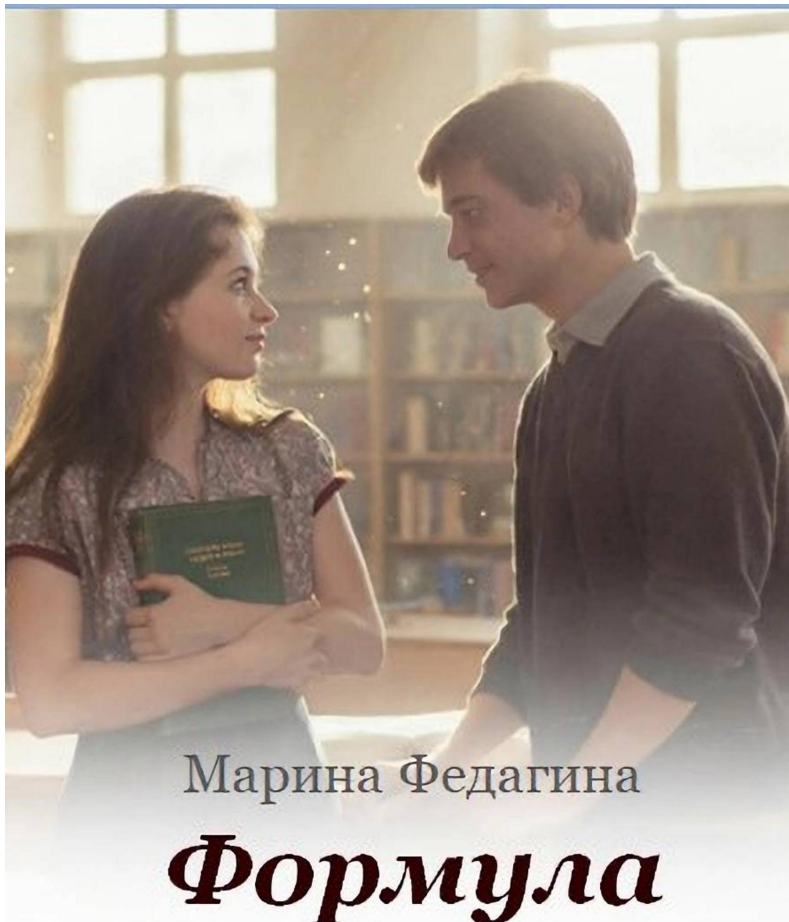

Марина Федагина

Формула тишины

Марина Федагина

Формула тишины

Серия «Тайна души», книга 1

<https://litres.ru/73787181>

SelfPub; 2026

Аннотация

1973 год. В тишине лаборатории физик Алексей бьётся над загадкой: в его расчётах не сходится три процента. А потом появляется Софья. Их графики оказываются зеркальными отражениями друг друга: там, где у него всплеск, у неё провал. Два мира, две стихии и одна тайна.

Но за этой тайной прячется нечто опасное. За теорией биологического поля скрывается секретный проект, который уже сломал жизнь отцу Алексея, а теперь подбирается к Софье. Её отправляют в закрытый научный городок. И тогда Алексей делает шаг, который перечёркивает его карьеру.

Путь приводит их к морю, в дом дяди Алексея — генетика Виктора, который знает цену сверхчувствительности. Здесь, на биостанции, дельфины слышат то, что люди стараются скрыть. И пока приборы фиксируют сигналы, Алексей и Софья учатся слышать друг друга без слов.

Это история о том, как наука может превратить человека в объект, а любовь — вернуть ему имя. О том, что иногда самое важное нельзя измерить — его можно только прожить.

Содержание

Глава 1. Точка касания	5
Глава 2. Доступ	7
Глава 3. Утренний свет	11
Глава 4. Зов крови	16
Глава 5. Вихрь	21
Глава 6. Библиотека	25
Глава 7. Невидимая связь	30
Глава 8. Тень проекта	36
Глава 9. Эксперимент	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Марина Федагина

Формула тишины

Глава 1. Точка касания

Алексей не любил июль.

Когда солнце стояло в зените, воздух становился вязким, как кисель, и мешал думать. Приборы в лаборатории грелись, цифры на бумаге плыли, а коллеги слишком громко смеялись в коридоре.

Он предпочитал январь. Чёткий. Холодный. Честный. Когда дыхание превращается в пар, а мысли застывают, как лёд на окнах.

Но сейчас был 1973 год, научный городок, и практика.

Алексей стоял у крыльца института и привычно коснулся подбородка. Пальцы нашли знакомую точку — там, где кожа чуть шершавее. Это успокаивало. Возвращало границы тела, когда мир вокруг слишком давил.

— Алексей, пойдёшь гулять?

Голос за спиной был чётким. Без заискивания. Без лишней мягкости.

Он не обернулся сразу. Сначала закончил мысль, которую держал в голове — расчёт поля, который не сходился на три процента. Потом медленно повернулся.

Софья смотрела на него прямо. В глазах — спокойная сила. Она не ждала разрешения. Она предлагала.

— Нет, — сказал он. Коротко. Без злобы. Просто констатация.

Ему не хотелось гулять. Ему хотелось тишины. И чтобы никто не требовал от него тепла, которого сейчас не было.

Она кивнула. Приняла ответ. Не стала уговаривать, не обиделась. Развернулась и пошла вниз по ступенькам, к реке. Шаг уверенный, спина прямая.

Алексей проводил её взглядом. Светлое платье мелькнуло между деревьями и исчезло.

Он постоял ещё минуту. Рука всё ещё лежала на подбородке.

Потом развернулся и вошёл внутрь.

Там гудели приборы. Там пахло пылью, спиртом и старыми бумагами. Там было понятно.

Он сел за стол, включил вольтметр. Стрелка дрогнула, пошла вправо.

Цифры. Поля. Законы.

Никаких вопросов. Никаких прогулок. Никаких тёплых голосов за спиной.

Алексей вздохнул, взял ручку и продолжил расчёт.

Три процента невязки нужно было найти.

И он найдёт.

Глава 2. Доступ

Коридор института пустел к вечеру. Где-то далеко капала вода — ритмично, как метроном.

Алексей стоял у двери лаборатории и не открывал её. В руке держал ключ. В голове расчёт, который не сходился на три процента. Три недели он искал ошибку. Не нашёл.

Он почувствовал её раньше, чем увидел.

Тёплый воздух за спиной. Шорох платья. Запах не духов, а чего-то живого. Травы? Книг? Он не оборачивался.

— Алексей, можно вопрос?

Голос был ближе, чем он ожидал. Он переложил ключ из одной руки в другую. Медленно. Будто давал себе время.

— Если о работе — да.

— О работе.

Она шагнула в поле зрения. Софья. В руках она держала папку. Из неё торчали графики. *Его* графики.

Алексей нахмурился.

— Откуда у тебя это?

— Лежало на столе у завлаба. Я просила доступ к архиву. — Она не спрятала папку. Наоборот протянула ему. — У тебя ошибка на 14-м образце.

— Там нет ошибки. Там погрешность.

— Я так думала. Пока не наложила свои данные.

Она открыла папку. Два графика лежали рядом. Его —

ровные пики. Её — с провалами в тех же местах.

— Видишь? — Она постучала пальцем по бумаге. Ноготь коротко острижен. Удобно для работы. — Когда у тебя пик — у меня спад. И наоборот.

Алексей смотрел на графики. Рука сама потянулась к подбородку. Пальцы нашли знакомую точку.

— Это разные приборы. Разная калибровка.

— Я перепроверила. Трижды. — Она подняла глаза - карие, как у него.

— Это не прибор. Это — закономерность.

В коридоре звенела тишина. Где-то за стеной гудел вольтметр.

— Зачем ты мне это показываешь? — спросил он.

— Потому что ты не видишь. — Она не улыбалась, была серьёзной.

— А я вижу.

— Что видишь?

— Ты измеряешь поле. А я реакцию на него. — Она сделала паузу. — Это одно и то же, Алексей. Только с разных сторон.

Он посмотрел на неё впервые по-настоящему. На человека, который три недели смотрел на *его* данные и нашёл то, чего не нашёл *он*.

— Почему ты не сказала раньше?

— Ты не подходил. — Она захлопнула папку. — Три недели я ждала, когда ты выйдешь из лаборатории хоть раз.

— А сегодня?

— Сегодня я устала ждать.

В её голосе прозвучало что-то другое. Не научное. Личное.

Алексей почувствовал, как что-то дрогнуло внутри. Не от графиков. От того, как она сказала: «Я ждала».

— Что ты предлагаешь?

— Дай мне доступ к прибору. На неделю. Я поставлю свои образцы. Мы посмотрим, что будет.

— Это засекречено.

— Тогда ты никогда не найдёшь свои три процента. — Она шагнула ближе. Теперь он видел ресницы. Тонкие. Тёмные.

— Подумай.

Она развернулась и пошла по коридору. Шаг уверенный. Спина прямая.

— Софья, — позвал он.

Она остановилась. Не обернулась. Ждала.

— Завтра. В девять. — Он сказал это быстро. Будто боялся передумать.

— Принесёшь образцы.

Она повернулась. В глазах что-то тёплое. Почти нежное.

— В девять, — повторила она.

И ушла.

Алексей остался один.

В руке он всё так же держал ключ, а в голове расчёты,

которые всё ещё не сходились.

Но теперь у него был ещё один вопрос. Без ответа.

Почему она ждала?

Он постоял ещё минуту. Потом открыл дверь и вошёл в лабораторию.

Прибор гудел. Цифры появились.

Алексей взял ручку и продолжил считать.

Глава 3. Утренний свет

В лаборатории горел холодный люминесцентный свет.

Алексей пришёл раньше. В половине девятого ключ повернулся в замке, хотя он всегда входил ровно в девять, минута в минуту.

Он включил только один ряд ламп. Остальные остались выключенными. Мягкое белое свечение легло на стол, и в этом луче пылинки танцевали свой медленный вальс.

Он ждал.

Рука лежала на журнале учёта. Пустые клетки смотрели на него. Он не заполнял их. Смотрел на дверь.

В девять ноль три она вошла.

Не постучала. Просто открыла дверь уверенно, будто имела на это право. Но на пороге замерла.

На ней был белый халат, застёгнутый на все пуговицы. Под ним тёмная водолазка. Волосы собраны в хвост, но несколько прядей выбились и лежали на шее. Тонкие. Тёмные.

В руках она держала контейнер с образцами.

— Добрый день, — сказала она.

Голос прозвучал тише, чем в коридоре. Будто лаборатория впитала звук.

— Добрый, — ответил Алексей.

Он не встал. Просто указал на стул напротив.

Софья подошла. Поставила контейнер на стол. Аккуратно, слишком аккуратно, будто внутри было хрупкое стекло.

— Вот, — сказала она. — Пять образцов. Три контрольных. Два с нагрузкой.

Алексей кивнул. Протянул руку за контейнером.

Их пальцы встретились.

На мгновение.

Он почувствовал тепло. Сухое. Живое. Она отдёрнула руку быстрее, чем нужно. Спрятала в карман халата.

— Извините, — сказала она. И улыбнулась. Той самой улыбкой, чуть виноватой, чуть тёплой.

— Ничего, — сказал он.

Взял контейнер. Открыл. Внутри пять пробирок с мутноватой жидкостью. Культуры клеток. Три спокойных. Два возбуждённых.

Поставил рядом с фотодетектором. Прибор гудел ровно и спокойно.

— Будем подключать? — спросила она.

— Сейчас.

Алексей повернулся к аппаратуре. Спина прямая. Движения точные. Он знал, что она смотрит. Не на приборы. На него.

Он чувствовал её взгляд между лопаток. Тёплый. Тяжёлый.

— Вы всегда так работаете? — спросила она вдруг.

— Как?

— В тишине.

Алексей замер. Рука остановилась над тумблером.

— Приборы не любят шума.

— А люди?

Он обернулся. Она сидела прямо. Спина не касалась спинки стула. Готова вскочить. Готова убежать. Но смотрела прямо.

— Люди привыкают, — сказал он.

Софья опустила глаза. Провела пальцем по краю стола. Там была царапина, старая, ещё от прошлых экспериментов.

— Я тоже люблю тишину, — сказала она. — Но только когда выбираю её сама. Включайте. Давайте посмотрим, что они скажут.

Он нажал тумблер.

Прибор ожил. Стрелка дрогнула. Пошла вправо.

Софья наклонилась ближе. От неё пахло не лабораторией. Не спиртом. Чем-то тёплым. Цветами? Книгой? Он не знал. Но запах остался в воздухе, даже когда она отодвинулась.

— Видите? — прошептала она.

— Вижу.

Стрелка замерла на отметке. Та же аномалия. Тот же пик, что он искал три недели.

— Это не шум, — сказала Софья.

— Нет, — согласился Алексей.

Они смотрели на дисплей. Вместе.

Плечо к плечу. Не касаясь. Но пространство между ними

сжалось. Стало плотным. Заряженным.

Алексей почувствовал, как меняется дыхание. Не у него. У неё. Стало глубже. Медленнее.

Она успокоилась.

Впервые за всё время, что он её знал, она не бежала. Не защищалась. Не атаковала.

Просто была рядом.

— Запишем? — спросила она.

— Да.

Он взял ручку. В журнале появилось: «Образец номер один. Отклонение подтверждено».

Подпись его. Рядом место для второй подписи.

Софья взяла ручку. Написала своё имя. Размашисто. Уверенно.

Закрыла журнал.

— Что дальше? — спросила она.

— Завтра. В это же время, — сказал Алексей.

Она кивнула. Встала.

— В девять?

— В девять.

Она пошла к двери. У порога остановилась. Не обернулась.

— Алексей...

— Да?

— Спасибо, что пустили.

Дверь закрылась.

В лаборатории осталось гудение прибора. Холодный белый свет. И запах, тёплый и живой, который не выветривался.

Алексей смотрел на журнал. Две подписи рядом.

Он выключил свет.

В темноте дисплей светился слабым огоньком.

Как маяк.

Глава 4. Зов крови

В лаборатории стало тихо.

Софья ушла десять минут назад. Дверь закрылась, но воздух ещё хранил движение. Алексей стоял у стола и смотрел на журнал.

Две подписи рядом. Его ровные, острые буквы. Её размашисто, с нажимом.

Он выключил фотодетектор. Прибор затих. Остался только гул вентиляции где-то в стенах.

Алексей снял халат. Аккуратно повесил на вешалку у двери. Потрогал карман пиджака. Там лежали ключи. Пора уходить.

В этот момент зазвонил телефон. Резкий, механический звук. Старый аппарат на стене.

Алексей поморщился. Телефон в лаборатории звонил редко. Обычно завлаб. Или техник.

Он снял трубку.

— Алло.

— Лёша, ты? — Голос матери ворвался без паузы. Тёплый, быстрый поток слов. — Я уже три раза набирала. До тебя не дозвониться.

— Работал, мама.

— Я знаю, что работал. Ты всегда работаешь. Но послушай, у нас в субботу гости. Тётя Зина из Ленинграда приез-

жает. Ты же помнишь её?

Алексей закрыл глаза. Гости.

Чужие люди в доме. Шум. Разговоры. Вопросы, на которые нужно отвечать. Улыбки, которые нужно носить как маску.

— Я не смогу, — сказал он. — Работа.

— Какая работа в субботу? — Мария Петровна засмеялась. — Ты не начинай. Я уже сказала Зине, что ты будешь. Мы пирог испечём. Тот, с капустой, который ты любишь.

— Мама...

— Лёша, пожалуйста. — Голос стал мягче. Но нажим не исчез. — Ты же понимаешь, она обидится. Даже отец будет.

Алексей молчал. Трубка холодила ухо. В трубке дыхание матери. Живое. Настойчивое.

И вдруг словно удар. Он узнал это чувство.

Не сейчас. Тогда. В детстве.

Москва. 1958 год.

Квартира на улице Горького. Высокие потолки. Тяжёлые двери с резными ручками.

Шесть лет.

Алексей сидит в углу большой комнаты. Под столом. Там темно. Там безопасно.

В комнате гости. Коллеги отца. Профессора. Доценты. Аспиранты.

Шум. Смех. Звон вилок. Голоса накладываются друг на друга. Кто-то курит. Дым ползёт под стол. Алексей кашляет.

Тихо. Чтобы не заметили.

— Лёша, выходи! — Это мать.

Она стоит у стола. В новом красном платье. Лицо румяное. Глаза блестят. Она как вихрь. Пронеслась по кухне. Накрыла на стол. Засмеялась так, что зазвенели бокалы.

— Он у меня стеснительный, — говорит она гостям. И смеётся снова.

Алексей не выходит. Он смотрит на отца.

Александр Сергеевич сидит во главе стола. Прямой. Тихий. Перед ним рюмка. Нетронутая.

— Саша, ты чего не пьёшь? — кричит кто-то.

— Потом, — отвечает отец. И улыбается. Усталой улыбкой.

Позже, когда гости уйдут, Алексей проснётся. Увидит свет под дверью кабинета.

Отец сидит за столом. Перед ним книги. Расчёты. Чёрная доска с формулами.

Мать подойдёт. В халате. Уставшая.

— Саш, ты опять? Ложись спать.

— Мне нужно закончить.

— Ты всегда заканчиваешь. — Она вздохнёт. Положит руку ему на плечо. — Ты от нас в свои цифры убегаешь.

Отец не обернётся.

— Я не убегаю. Я работаю.

— Это одно и то же.

Она уйдёт. А отец останется.

Алексей закрывает глаза. Притворится спящим. Он запомнит это на всю жизнь.

Отец уходит в работу, когда слишком много людей.

Мать зовёт людей, когда слишком тихо.

1973 год. Лаборатория.

— Лёша? Ты здесь? — Голос матери вернул его.

— Да.

— Так ты придёшь?

Алексей посмотрел на журнал. На подпись Софьи. Размашисто. С нажимом. Как мать.

Он вдруг понял. Соня не случайность. Она ворвалась в его лабораторию так же, как мать ворвалась в жизнь отца. Без спроса. Без паузы. С теплом. С напором.

Она поставила образцы на его стол. Как мать ставила тарелки.

Она смотрела на него прямым взглядом. Как мать смотрела на отца.

И он... Он ответил ей так же, как отец отвечал матери.

Алексей сжал трубку.

— Я приду, — сказал он.

— Правда? — Мария Петровна обрадовалась. Слышно, как она улыбается. — Я Зине скажу. Она обрадуется.

— Да.

— Ну, всё. Не засиживайся. Езжай домой.

— Хорошо.

— Лёша...

— Да?

— Я соскучилась.

Алексей молчал. Он не знал, что ответить. «Я тоже» было бы неправдой. Он не скучал. Он работал. Но что-то ёкнуло внутри.

— Я приду, — повторил он.

Положил трубку. В лаборатории стало тихо.

Он стоял у стола. Смотрел на свои руки. Те же руки, что у отца. Те же пальцы. Та же форма ногтей. И та же потребность в тишине.

Алексей взял журнал. Убрал в ящик. Ключ повернулся в замке. Он вышел в коридор.

Где-то за стеной гудел институт. Где-то внизу хлопнула дверь. Кто-то смеялся.

Алексей шёл к выходу. И думал о том, что Соня это не просто коллега. Это повторение. Это кровь. Это судьба, которая ходит по тем же кругам, что и двадцать лет назад.

Только теперь он не ребёнок под столом. Он мужчина. И он может выбрать. Остаться в тишине. Или впустить вихрь.

На улице темнело. Алексей поднял воротник. Пошёл к метро. В кармане лежали ключи. В голове голос матери. В сердце подпись Софьи.

И вопрос, на который он пока не знал ответа.

Глава 5. Вихрь

В метро было шумно. Соня стояла у двери. Пальцы сжимали холодный поручень. В тёмном стекле окна отражалось её лицо. Щёки горели.

После лаборатории внутри будто зажгли свет.

Она прокручивала встречу снова и снова.

Его тишина. Его взгляд. Его руки на приборе. И то, как она отдёргнула руку, когда их пальцы встретились.

Зачем? Она не знала ответа.

Дом. Вечер.

Квартира на пятом этаже. Старый фонд. Высокие потолки. Трещина в углу гостиной тянулась ещё с зимы.

Надежда Викторовна сидела на кухне. Перед ней раскрытые статьи. Чай остыл.

— Мам, ты ела? — спросила Соня. Сняла пальто. Повесила на вешалку.

— Ой, Сонечка. За бумагами забыла.

— Сиди. Я сейчас.

Соня открыла холодильник. Достала кастрюлю. Разогрела суп. Поставила перед матерью. Надежда Викторовна улыбнулась. Устало.

— Ты у меня такая взрослая...

Соня вздохнула. Налила себе чай. Села напротив.

Она привыкла. Отец в экспедициях. Геолог. Полгода до-

ма, полгода где-то в тайге. Или в Казахстане. Или на Урале.

Мама одна. Бумаги. Статьи. Тревога. Соня между ними. Как взрослая.

— Мам, — сказала она вдруг. — Как вы с папой познакомились?

Надежда Викторовна подняла глаза. Удивлённо.

— Давно это было. Ты зачем спрашиваешь?

— Просто интересно.

— В институте на практике. — Мать улыбнулась. Вспомнила. — Он пришёл в нашу группу. Высокий, молчаливый. Все девчонки сразу засмущались. А он ни на кого не смотрел.

— А ты?

— А я... — Надежда Викторовна задумалась. — Я подошла. Спросила про образец. Он мне коротко ответил и ушёл.

— Мне стало интересно — Мать тихо засмеялась. — Я потом ещё подходила к нему с вопросами. Почти каждый день. Он слушал меня, в основном молчал, а я говорила.

— Почему он?

Надежда Викторовна посмотрела на дочь. Внимательно.

— Потому что он был тихий. Вокруг шум, а он стоит и такая тишина рядом с ним.

— Тебе это нравилось?

— Да. — Мать помолчала. — Я тогда поняла, что рядом с ним можно остановиться. Не бежать. Не говорить. Просто быть самой собой.

Соня опустила глаза. В груди что-то ёкнуло.

Она узнала эти слова.

Рядом с ним можно остановиться.

— А папа? — спросила она. — Почему он выбрал тебя?

Надежда Викторовна улыбнулась. Грустно.

— Он сказал. Ты как ветер. Я как камень. Ветер может разрушить камень, а может и обточить.

— Красиво.

— Да. — Мать вздохнула. — Только камень в экспедициях, а ветер один.

Соня молчала. Она поняла.

Мама выбрала отца за тишину.

Отец выбрал маму за движение.

Но они не удержали друг друга.

Потому что камень далеко. А ветер не может ждать.

Ночь.

Соня сидела в своей комнате. На столе конспекты, статьи.

Она не работала. Смотрела в одну точку.

Думала об Алексее. Он как отец. Такой же тихий и устойчивый.

Она как мать. Вихрь. Движение.

Но они с Алексеем не родители.

Они в одной лаборатории, в одном городе. Не в экспедициях.

Она взяла ручку. Открыла блокнот и написала.

Он не убежит. Он останется.

Закрыла блокнот и легла на кровать. Потолок темнел. Тени ползли по углам.

Соня закрыла глаза. И впервые за день не думала о работе. Не думала о контроле. Не думала о том, что надо.

Она думала о тишине, которая ждёт её завтра в девять утра в лаборатории.

Глава 6. Библиотека

Утро. Дом Софьи.

На кухне пахло свежесваренным чаем и старой бумагой.

Надежда Викторовна сидела у стола. Перед ней лежали вырезки из журналов с карандашными пометками на полях.

Соня вошла. Заварила себе кофе.

— Посмотри — мама подвинула ей лист. Это была вырезка из «Вестника Академии наук». Статья Гурвича.

— Я читала его книгу — сказала мама. — Он пишет про поле. К сожалению, это только статья из этой книги.

— Ты хочешь, чтобы я нашла книгу? — спросила Соня.

— Да. Особенно мне бы хотелось перечитать из первой части третью главу. В ней он даёт описание клеточного поля.

Надежда Викторовна внимательно посмотрела на дочь.

— Если найдешь книгу, то обязательно прочитай эту главу сегодня. Мы могли бы с тобой вечером её обсудить.

— А что ты хотела обсудить?

— То, как одна клетка чувствует другую. — Мама улыбнулась. — И то, как люди чувствуют друг друга. Гурвич писал про биологию. Но жизнь то шире.

Соня взяла вырезку. Бумага хрустнула.

— Я схожу в библиотеку после обеда.

— Возьми экземпляр сорок четвертого года. Я его читала.

— Хорошо.

Соня допила кофе. Положила вырезку в сумку и вышла в коридор.

В голове уже звучало название «Клеточное поле».

Утро. Институт. Кабинет Михаила Дмитриевича.

Алексей стоял у стола, на котором лежали расчёты. Цифры не сходились с графиками.

Михаил Дмитриевич, руководитель Алексея, снял очки и потёр переносицу.

— Ты слишком замкнулся в физике, Лёша.

— Но прибор показывает...

— Прибор показывает следствие. Смотри на это шире.

Завлаб встал. Подошёл к окну. Посмотрел на корпус института.

— Я недавно брал одну книгу в библиотеке, которая помогла мне взглянуть иначе на многие вещи. Это Гурвич "Теория биологического поля".

— Я читал о нём в журнале "Наука и жизнь" — сказал Алексей.

— В нашей библиотеке есть эта книга. Особенно, если будешь читать, обрати внимание на вторую часть третьей главы "Поле мозга и высшая нервная деятельность".

Михаил Дмитриевич повернулся.

— Мне эта книга помогла мыслить шире. Я вышел за рамки формул. Увидел систему.

— Вы взяли её домой? — спросил Алексей.

— Нет. Вернул в библиотеку. Там один экземпляр.

Завлаб подошёл к столу. Положил руку на папку с чертежами.

— Сходи сегодня. Пока не забрали. Прочитай главу. Подумай.

— Зачем мне поле мозга? Я физик.

— Потому что ты не только физик, но и организм, состоящий из клеток. — Михаил Дмитриевич посмотрел прямо в глаза.

Алексей молчал.

— Потому что твоя нервная система — это тоже поле. И оно взаимодействует с другими полями. Ты не машина, Лёша. Ты — часть системы.

— Я схожу в библиотеку после обеда, — сказал Алексей.

— Хорошо.

Алексей взял журнал. Вышел из кабинета. В коридоре было прохладно. Он посмотрел на часы. Двенадцать часов. Обеденный перерыв. Самое время.

Обеденный перерыв. Библиотека института.

В зале было тихо. Солнце пробивалось через высокие окна. Пылинки танцевали в лучах. Пахло старой бумагой и клеем.

Соня стояла у каталога. Записала шифр на квитке. Подошла к стойке.

— Гурвич, сорок четвертый год, — сказала она библиотекарю.

Женщина в очках поискала в картотеке. Кивнула. Ушла в

зал. Вернулась с книгой. Положила на стойку. Соня протянула руку.

— Здравствуйте.

Голос за спиной. Соня обернулась.

Алексей. Он стоял в шаге. В его руках такой же квиток.

— Мне тоже нужна эта книга, — сказал он.

Соня посмотрела на книгу. Потом на него.

— Мне посоветовали первую часть. Глава три.

— Мне — вторую. Глава три.

Библиотекарь посмотрела на них. Через очки.

— Экземпляр один. На руки выдается только на трое суток.

Повисла пауза. Солнечный луч скользнул по обложке. Зелёное полотно. Золотые буквы. Алексей сделал шаг назад.

— Возьмите вы.

— Но вам тоже нужно, — сказала Соня.

— Мне можно подождать.

— Нет. — Соня взяла книгу. Прижала к груди. — Давайте иначе. Сегодня читаю я. Завтра вы. А потом обсудим наши мысли.

Алексей посмотрел на неё. В её глазах не вызов, а предложение.

— Хорошо. Где встретимся? — спросил он.

— Здесь. В это же время.

Он кивнул. Библиотекарь штамповала формуляр. Стукнул штамп. Дата. Подпись. Соня положила книгу в сумку.

Они вышли вместе.

В коридоре было прохладно. Тишина библиотеки осталась за дверью. Где-то звонил телефон.

— Почему глава три? — спросил Алексей.

— Мама посоветовала. Клеточное поле.

— А мне мой руководитель - Михаил Дмитриевич. Поле мозга.

Они остановились у окна. Соня посмотрела на него.

— Получается, мы читаем одно и то же. С разных сторон.

— Да.

Алексей почувствовал странное ощущение. Как будто между ними натянулась невидимая нить. Не физика. Не химия. Что-то другое.

— Завтра, — сказал он.

— В это время, — ответила Соня.

Она повернулась. Пошла по коридору. Алексей смотрел ей вслед.

До конца обеда оставалось двадцать минут. Он постоял у окна. Посмотрел на небо. Потом повернулся. Пошёл в лабораторию.

В кармане лежал квиток. На нём тот же шифр. Но книга была у неё. И это было правильно.

Глава 7. Невидимая связь

Вечер. Дом Софьи.

На кухне горела настольная лампа. Тёплый свет мягко ложился на раскрытую книгу, освещая страницы золотистым ореолом. Тени танцевали на стенах, повторяя движения Со-
ниных пальцев, перелистывающих бумагу.

Соня сидела у стола, подперев голову рукой. Перед ней остывала чашка чая. Рядом лежала тетрадь, исписанная ровным почерком с пометками на полях.

Надежда Викторовна вошла тихо, почти бесшумно. Сняла фартук, повесила его на спинку стула. Посмотрела на дочь с мягкой улыбкой.

— Ну что? Поняла что-нибудь?

Соня подняла глаза. Улыбка тронула её губы, но в глазах читалась усталость.

— Поняла. Что клетки общаются.

— Гурвич пишет про поле?

— Да. В третьей главе он раскрывает суть клеточного поля.

Соня провела пальцем по странице, задержалась на абзаце, перечитывая строки.

— Он пишет, что клетка излучает. Происходит взаимодействие между клетками, даже если нет контакта.

Надежда Викторовна села напротив, медленно придвину-

ла к себе книгу.

— И как ты это понимаешь? Попробуй провести аналогию с людьми.

— Ну, можно рассмотреть нас с Алексеем.

Повисла пауза. Тишина наполнила кухню, прерываемая лишь тихим тиканьем часов на стене.

Мама подняла бровь, в её взгляде мелькнуло непонимание.

— Поясни.

— Мы не касаемся. Иногда даже не говорим. Но я чувствую, когда он входит в лабораторию. Когда смотрит в мою сторону.

— Поле? — спросила мама, и в её голосе прозвучала теплота.

— Поле. — Соня кивнула, и её волосы мягко колыхнулись. — Всё что пишет Гурвич, я понимаю так - клетки чувствуют друг друга на расстоянии через поле.

Надежда Викторовна вздохнула, и в этом вздохе была целая жизнь. Улыбка осветила её лицо, сделав моложе на несколько лет.

— Биология не врёт. Люди тоже клетки. Во всяком случае, мы из них состоим.

— А конstellляции? — Соня перевернула страницу, бумага зашуршала в тишине. — Вот это мне не совсем понятно.

— Что именно?

— Что значит неравновесные конstellляции.

Мама задумалась. Её взгляд устремился к окну, за которым сгущались сумерки. Последний луч солнца скользнул по стеклу и исчез.

— Представь танец.

— Танец?

— Да. Те, кто танцует, перемещаются по сцене.

Мама взяла ложку со стола, положила её обратно. Металл тихо звякнул о керамику.

— Но при этом есть общая картинка. Если один выйдет из ритма, собьётся, то весь процесс нарушится.

— Это и есть констелляция?

— Да. Живой порядок. Не застывший.

Соня посмотрела на книгу, на зелёный переплёт, потёртый временем. Её пальцы гладили обложку, словно искали ответ на поверхности.

— Гурвич пишет, что если констелляция нарушается, клетка излучает иначе.

— Деградационное излучение? — спросила мама, и в её голосе прозвучала серьёзность.

— Да. Такое возникает при стрессе, распаде.

Соня помолчала. Голос стал тише, почти шёпотом.

— А у людей так бывает?

Надежда Викторовна внимательно посмотрела на дочь. В её глазах отразилась любовь и понимание.

— Бывает. Когда нам больно, когда мы в стрессе. Мы тоже излучаем иначе.

— И другие чувствуют?

— Ещё как чувствуют. Даже без слов и прикосновений.

Хотя...

Мама протянула руку через стол. Положила ладонь на руку Сони. Тепло распространилось по коже, успокаивая.

— Ты когда-нибудь входила в комнату, где только что поссорились. Ты ещё не знаешь, но уже чувствуешь.

— Тяжело.

— Да. Это и есть деградиационное излучение. Распад поля.

Соня отёрнула руку, взяла чашку. Почувствовала, как тепло проникает внутрь.

— А анизотропия?

— Что?

— Анизотропность поля. Гурвич пишет, что поле неодинаково в разных направлениях.

Мама улыбнулась, и эта улыбка была похожа на рассвет.

— Это про вектор.

— Вектор?

— Да. У жизни есть направление. Вдоль оси одно. Поперёк — другое.

Надежда Викторовна выпрямилась. Голос стал твёрже, увереннее.

— Если нет направления, поле становится изотропным - одинаковым во все стороны.

— И что это значит?

— Это значит хаос, который приводит к распаду.

Мама прямо посмотрела дочери в глаза.

— У вас с Алексеем есть вектор?

Соня молчала. Её взгляд устремился куда-то вдаль, за стены кухни.

Она вспомнила лабораторию. Его тишину. Их договорённость в библиотеке. Солнечные лучи среди пыльных стеллажей.

Завтра они встретятся снова. Обсудят прочитанное.

— Есть, наверное — сказала она почти шёпотом.

— Вот и ответ. — Мама отодвинула чашку, фарфор тихо звякнул о блюде. — Запомни - поле работает, пока есть направление.

Соня закрыла книгу. Зелёная обложка блеснула в свете лампы, отразив золотистые блики.

— Спасибо, мама.

— За что?

— За объяснения.

Надежда Викторовна встала. Подошла к дочери. Поцеловала в макушку, и её губы были тёплыми и нежными.

— Это не я объяснила. Это — Гурвич.

— А ты?

— А я просто напонила.

Мама вышла из кухни. Выключила свет в коридоре. Щёлкнул выключатель, и тень поглотила прихожую.

Соня осталась одна. Она сидела в тишине, слушая, как тикают часы. Смотрела на книгу, на её зелёный переплёт.

Думала об Алексее. О том, что между ними не пустота, а поле.

Она взяла тетрадь и открыла на чистой странице.

Взяла ручку и написала.

«Мы не две клетки. Мы — одна констелляция».

Закрыла тетрадь. Встала и выключила лампу. Тьма мягко опустилась на кухню.

Завтра будет новый день. Новая встреча. Новое направление.

Глава 8. Тень проекта

Утро. Библиотека.

Соня пришла первой. Стояла у того же стеллажа. Книга в зелёном переплёте была прижата к груди. Пальцы нервно гладили потёртую обложку.

Алексей вошёл. Его шаги тихо прозвучали в тишине зала.

Она подняла глаза. В них читалась задумчивость. Она была где-то далеко.

— Здравствуйте, — сказал Алексей.

— Здравствуйте, — ответила Соня тихим неуверенным голосом.

Она протянула книгу. Алексей взял. Пальцы коснулись на мгновение.

— Прочитали? — спросил он.

— Прочитала, — кивнула Соня. — Интересная глава.

— О чём?

Она помолчала. Взгляд устремился куда-то мимо него.

— О поле. О том, как клетки чувствуют друг друга.

— И как это связано с вашей работой?

Соня нахмурилась. Словно искала слова. Не находила.

— Не знаю. Просто... чувствуется связь.

Алексей ждал продолжения. Его не последовало.

— Конкретнее? — спросил он.

— Не могу объяснить. — Она пожала плечами. — Нужно

прочитать вашу главу. Потом обсудим.

Она повернулась. Пошла к выходу. Шаги тихие. Спина прямая.

Алексей остался стоять у стеллажа. Книга в руках казалась тяжелее, чем вчера.

Он не понял её. Совсем.

День. Лаборатория.

Прибор гудел тихо. Алексей смотрел на экран. Цифры менялись медленно.

За образец в этот раз он взял клетки растения. Экранированная камера. Полная темнота. Сигнал шёл слабый, но стабильный.

Он открыл книгу Гурвича.

Часть вторая. Глава три. Поле мозга и высшая нервная деятельность.

Читал отрывками. Перечитывал. Искал связь.

Гурвич писал про нервную систему. Про взаимодействие полей. Про то, как мозг излучает и принимает.

Алексей смотрел на прибор. Измерял излучение растительной ткани.

Не мозга. Связи не было.

Он отложил книгу. Протёр глаза. За окном темнело.

В голове крутился вопрос.

Зачем Михаил Дмитриевич дал ему именно эту главу?

Случайность? Или что-то ещё?

Вечер. Дом Алексея.

Дома его ждал ужин. На столе стояло три прибора. Значит отец сегодня дома. Мать вдруг встала и пошла на кухню.

— Я пойду, — сказала она тихо. — Вам нужно поговорить.

Отец сидел во главе стола. Седые виски. Усталые глаза. Алексей смотрел на него.

— Михаил Дмитриевич посоветовал мне Гурвича, — сказал Алексей. — Часть вторая. Глава три.

Отец поднял глаза. Взор стал острее.

— Поле мозга?

— Да. Сказал, что это поможет мыслить шире.

Отец отодвинул тарелку. Скрестил руки на груди.

— А ты как думаешь? Зачем?

— Не понимаю. — Алексей наклонился вперёд. — Я работаю с тканями. С излучением. А глава про мозг. Про нервную деятельность.

Отец молчал. Долго.

— Ты измеряешь что?

— Сверхслабые излучения. Сигнал возникает до повреждения образца.

— До повреждения? — Отец поднял бровь.

— Да. Как будто клетка знает заранее.

Отец встал. Подошёл к окну. Спина прямая. Напряжённая.

— Забудь эту главу, — сказал он. Голос низкий. Твёрдый.

— Почему?

— Потому что не твоё это.

Алексей тоже встал.

— Объясни.

Отец повернулся. В глазах что-то мелькнуло. Страх? Предупреждение?

— Не лезь!

Резко. Жёстко. Как удар.

Алексей отступил на шаг.

— Ты же учёный. Ты сам говорил, что истина не имеет границ.

— Истина имеет цену, — отец подошёл ближе. — И некоторые цены слишком высоки.

— Для кого?

— Для тебя. Для всех.

Отец положил руку на плечо сына. Тяжёлая ладонь. Тёплая.

— Дали тебе участок работы. Выполняй. Измеряй. Пиши статьи.

— А остальное?

— Остальное — не твоя головная боль.

Отец убрал руку. Пошёл к двери.

Остановился. Не обернулся.

— Михаил Дмитриевич... он знает больше, чем говорит. Будь осторожен.

Дверь закрылась. Алексей остался один в гостиной.

Книга лежала на столе. Зелёный переплёт в свете лампы.

Он сел. Открыл на нужной странице. И начал читать вновь.

Слова те же. Но смысл изменился.

За каждой фразой стояло что-то ещё. Не написанное. Скрытое.

Ночь. Комната Алексея.

Темно. Только свет фонаря за окном. Алексей лежал на кровати. Руки под головой. Смотрел в потолок. Думал о Михаиле Дмитриевиче.

Зачем советовать именно эту главу?

Соня пришла в то же время. Та же книга.

Случайность? Или руководитель хотел свести их?

Хотел, чтобы они прочитали разные части?

Чтобы обсудили?

Алексей перевернулся на бок.

Отец испугался. Настоящий страх. Не за себя. За него.

Значит, там что-то есть. За этими страницами. За этими измерениями. Что-то, что имеет цену.

Он закрыл глаза. В голове кружились цифры с экрана прибора.

Сигнал до повреждения. Поле, которое предвидит.

И слова отца. **Не лезь.**

Но он полезет. Теперь точно. Потому что запрет — это тоже знак.

Алексей уснул. Книга лежала на столе, открытая на странице о поле мозга.

Завтра он придёт в лабораторию. Включит прибор. Начнёт измерять.

Но уже с другим вопросом. Не «что излучает ткань».

А «кто направляет излучение».

Глава 9. Эксперимент

Утро. Лаборатория Софьи.

Звонок раздался в девять утра. Соня мыла пробирки. Руки в перчатках. Вода стекала по стеклу.

— Софья Сергеевна? — Голос в трубке был незнаком.

— Да.

— Вас направляют в командировку в Научный городок. Там будут проводиться эксперименты.

— Какие эксперименты?

— Вам скажут на месте. Выезд через два часа.

Гудки. Соня опустила трубку. Смотрела на неё. Не понимала.

Надежда Викторовна вошла в лабораторию. Увидела лицо дочери.

— Что случилось?

— Меня срочно отправляют в командировку.

— Куда?

— Научный городок. Под Москвой.

Мама побледнела. Села на стул. Руки легли на колени. Дрогнули.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.